

С. С. ИЛИЗАРОВ

ЖИТИЕ ИСТОРИКА НАУКИ Н. А. ФИГУРОВСКОГО, ИМ САМИМ НАПИСАННОЕ

Мне во всем дорог лишь мир старины ...
Замечательны и слова из писем — те, что
остались на древних клочках бумаги.

Кэнко-хоси. Записки от скуки. XIV в.

Сами же письма — где-то в хаосе моего
архива.

*Н. А. Фигуровский. Автобиографические
записки и воспоминания. 80-е гг. XX в.*

О жизни, деятельности и творчестве Николая Александровича Фигуровского будут писать еще много раз. Будут о нем писать социальные историки и историки науки, историки химии, историографы, специалисты химии-органики, историки московских и нижегородских вузов и университетов, Института истории естествознания и техники, археографы, историки просвещения и высшего образования в СССР, историки тоталитаризма, организации и распространения в Советском Союзе изучения истории научно-технических знаний, историки международных научных связей, историки краеведения и, наконец, историки русской литературы-текстологи. Вот далеко не полный список направлений в отечественной науке и культуре, в которых Н. А. Фигуровский в той или иной степени оставил собственный заметный след.

Фигуровский-химик и историк науки — фигура очень хорошо известная среди научного сообщества, отечественного и зарубежного. Поэтому собственно научная сторона его деятельности будет нас интересовать в самом минимальном объеме и только при необходимости прояснения тех или иных сюжетов. Главной и единственной задачей настоящего предварительного очерка является сообщение о существовании рукописи замечательных воспоминаний историка науки.

Николай Александрович Фигуровский родился 11(24) ноября 1901 г. в г. Солигаличе Костромской губернии в семье, в которой и со стороны отца, и со стороны матери на протяжении нескольких поколений все были небогатыми, в основном сельскими дьячками. Стезя церковного служителя ждала скорее всего и Н. А. Фигуровского. Впрочем, кому то ведомо?

Семи лет от роду он поступил в Солигалическую соборную церковно-приходскую школу, там же затем обучался в духовном училище и, наконец, осенью 1915 г. в сопровождении отца приехал в Кострому и поступил в духовную семинарию. Семинария, ректор которой, протоиерей В. Г. Чекан был одним из руководителей местной черносотенной организации «Союза русского народа», открывала пути священнической карьере. Однако учиться пришлось недолго. Вскоре после февраля 1917 г. дисциплина настолько упала, что пришлось закончить занятия, а в ноябре, после грандиозного пьяного разгула и разгрома, учиненного семинаристами, Костромская семинария, просуществовавшая сто семьдесят

Родители: Александр Иванович и
Любовь Павловна (урожд. Сынковская)
Фотоателье М. В. Воробьева.
Кострома. Около 1898 г.
Публикуется впервые

*Вид на Солигалич с моста через р. Кострому.
1970-е гг. Фото Н. А. Фигуровского*

нажды вместе с сестрой мы ходили в ближайшие деревни „сбирать“. Сестра вместе с братом Алексеем ходили собирать неоднократно. Тяжелое это занятие. Но что было делать? Мы были счастливы, если удавалось собрать несколько кусков хлеба и картошек».

Мир, родной, привычный и отлаженный веками, неспешный и тяжкий (одно из основных «родовых воспоминаний» Н. А. Фигуровского, почерпнутое из рассказов родителей и родственников — ощущение голода и нищеты) рушился и завершался.

«...летом 1918 г., наряду с борьбой с голодом, — писал впоследствии Н. А. Фигуровский, — возникла еще одна важная проблема. Надо было думать о завершении среднего образования. Было обидно, не закончив одного лишь года, не получить свидетельства об окончании средней школы». Дело в том, что он успел пройти в семинарии лишь три класса, но только четырехклассное семинарское образование приравнивалось к среднему образованию, необходимому для поступления на гуманитарные курсы высших учебных заведений. После того, как семинария окончательно «сама собой распалась», возникла сложная ситуация. Но все же в 1919 г., не без труда, Н. А. Фигуровскому удалось завершить среднее образование и неожиданно быстро через Биржу труда получить должность в губернском отделении Государственного контроля (бывшая Контрольная палата). Работу в Госконтроле, переименованном вскоре в Рабоче-крестьянскую инспекцию, удалось совмещать с учебой на электро-механическом отделении Костромского техникума (бывшее механико-химическое училище). И казалось, что еще немного — и будет легче, и новая жизнь станет наконец упорядоченной и пригодной к существованию, «будет совсем хорошо». Кстати, незаурядные способности Н. А. Фигуровского уже в первые два десятилетия его жизни проявлялись неоднократно. К примеру, церковно-приходская школа была завершена с похвальным листом, духовное училище он закончил первым учеником, а на своей первой советской службе благодаря знаниям, усердию, гибкости ума и умению быстро принимать правильные решения начал блестящую карьеру, совершив менее чем за год путь от канцеляриста до контролера учреждений Красного креста Северной области. Чрезвычайно важно для нашего рассказа, что уже в ноябре 1917 г., когда

лет, окончательно закрылась. Как раз в те месяцы (и на ближайшие несколько лет) «чувство голода сделалось постоянным и привычным»*.

Голод, как всегда это бывает, ведет за собой эпидемии. Дизентерия и голодный тиф не обошли стороной и всех близких Н. А. Фигуровского. Следующий, 1918 г. оказался еще более тяжелым: «Семья наша как-то втянулась в беспроглядную нужду, хотя делались попытки использовать все возможности для добычи пищи. Зимой 1918 г. большую часть времени я провел дома и занимался подшивкой валенок. Нужда была такой, что од-

Нужда была такой, что од-

*Соборный дом, где родился Н. А. Фигуровский.
1970-е гг. Фото Н. А. Фигуровского*

* Здесь и далее цитируется текст из рукописи воспоминаний Н. А. Фигуровского.

ему едва исполнилось 17 лет, Н. А. Фигуровский начал вести дневниковые записи. Но самое потрясающее, что эти и другие многочисленные поденные записи он, несмотря на весьма неблагоприятные жизненные условия, сумел сохранить и спустя десятилетия использовал при написании воспоминаний. Это о многом говорит: о ценностных ориентирах и приоритетах ученого, о степени достоверности рукописи воспоминаний и их ценности как исторического источника и, пожалуй самое важное — это свидетельство очень серьезного и глубоко достойного отношения к собственной личности.

Неожиданно в марте 1920 г. почти установившийся порядок жизни оказался вновь порушенным. В Костроме, на заборах и на витринах появилось объявление: «Да здравствует 1901 год в рядах Красной армии!». Надежд на отсрочку от призыва в армию как студенту старшего курса техникума не было никаких: шла гражданская война.

18 марта у переезда через Волгу собралась толпа провожающих. За 60 верст пришла проводить своего старшего сына и Любовь Павловна Фигуровская, но ничего дать ему в дорогу не могла, кроме полотенца с кружевами, куска хлеба и благословения. Воспоминание об этом запечатлелось у Н. А. Фигуровского на всю жизнь: «Сколько раз после этих проводов мне приходилось уезжать с насиженных мест и часто в полную неизвестность? Десятки раз я отправлялся, то на фронт, то в лагеря, то в командировки. Но никто меня не провожал так, как мать в 1920 г. Было так невыносимо грустно, что с тех пор я не люблю, чтобы меня провожали, стараюсь избежать проводов или, по крайней мере, сократить до минимума время для провожания».

20 марта 1920 г. началась почти семилетняя служба Н. А. Фигуровского в рядах Красной армии. В тот день он был зачислен красноармейцем пулеметной команды 5 запасного полка в Москве, расквартированного в Спасских казармах на Сухаревской площади. Этим годам посвящены более 200 интереснейших машинописных страниц воспоминаний Н. А. Фигуровского. Поскольку впечатления от увиденного и пережитого были настолько контрастны предыдущей жизни, а динамика нового вообще не сопоставима с прошлым, то, очевидно, прежде всего поэтому и рассказ о тех годах выделяется яркостью и сочностью, окрашенный,

как и воспоминания раннего детства, в ностальгические тона по давно ушедшему и ушедшим. Здесь интересно буквально все — и документально точное описание армейского быта начала 20-х с теснотой, завшивленностью, нищетой обмундирования (вплоть до лаптей), недоеданием, болезнями, дезертирством, и превосходно выписанная картина знаменитой Сухаревки...

Через несколько месяцев после начала службы Н. А. Фигуровский был направлен на Военно-химические курсы комсостава РККА. Немедленно началась интенсивная учеба, прерванная, однако, весной 1921 г. на пять месяцев, когда в составе группы курсантов он был по-

Справа налево: А. И. Фигуровский, отец Н. А. Фигуровского; А. Ф. Померанцев; неизвестный священник; протоиерей И. Смирнов; дядя Н. А. Фигуровского, П. А. Вознесенский; регент Коровницкий. Фото конца XIX — начала XX вв. Публикуется впервые

Солигаличская соборная церковно-приходская школа. Снимок 1971 г. Фото Н. А. Фигуровского

слан на подавление крестьянского («антоновского») восстания в Тамбовской губернии. Здесь ему довелось принимать участие в ряде боевых и карательных операций, организовывать ревкомы, быть уполномоченным ЧК на отдельных операциях, следователем и т. д... По окончании (с отличием) Военно-химических курсов кандидат в члены РКП(б) Н. А. Фигуровский начал характерную для военного скитальческую жизнь: Москва сменилась Ярославлем, Костромой, Ростовом, Тамбовом, Владимиром, Иваново-Вознесенском, Арзамасом, Нижним Новгородом и вновь — зимой 1923 г. — Москва, Высшая военно-химическая школа РККА. Он руководил химической обороной и химической службой ряда полков и дивизий. В калейдоскопе мест и событий мелькали множество лиц — Ленина и патриарха Тихона, Луначарского и Горького, Каменева и Зиновьева, Тухачевского и Котовского, Эренбурга и Маяковского, Брюсова и Есенина. В Нижнем Новгороде Фигуровскому довелось провести два вечера в обществе Луначарского, его жены Розенель, Обуховой и других московских артистов и, вспоминая эту историю, он потом заметил: «Да, судьба переменчива! То, что не удастся сегодня и кажется недостижимым, завтра окажется просто ординарным явлением в жизни».

Удивительна настойчивость, с которой Н. А. Фигуровский на протяжении всех армейских лет успешно пытался получить высшее гражданское образование. Очевидно, при всей привлекательности и материальной обеспеченности, военной карьере он предпочитал учение, открывавшее путь исследовательской, литературной и лекторско-педагогической деятельности. И на этой стезе он преуспел, преодолевая множество преград — активное сопротивление воинского начальства, арест в 1929 г. отца и опасная и тяжелая борьба за его освобождение.

Ему часто везло. Когда в 1925 г. попытка поступить в Нижегородский университет завершилась довольно плачевно (подвело нерабочекрестьянское происхождение и неудовлетворительные знания по геометрии), его командир дивизии — И. С. Конев — отправился к секретарю губкома РКП(б) А. А. Жданову, и за подписью последнего Н. А. Фигуровскому была выписана «красная командировка» в университет. В это же время появились его первые публикации, как научные, так и чисто литературные (им был даже начат роман). Лектором, а затем и преподавателем он стал несколькими годами раньше. Кроме этого, неумная энергия привела его в ряды активных функционеров Доброхима, Авиакима, ВАРНИТСО и т. п.

На втором курсе университета совмещать учебу и армейскую службу стало абсолютно невозможно. Рапорты о демобилизации не только вызывали отказ, но и завершились тем, что Н. А. Фигуровский был направлен на экзамены в Артиллерийскую академию РККА (знаменитая бывшая Михайловская артиллерийская академия). И опять повезло — провалился на алгебре, хотя сдал элементы высшей математики. Наконец, в октябре 1927 г., воспользовавшись служебной командировкой в Ленинград, он на обратном пути заехал в Москву и с помощью своих знакомых добился согласия у начальника Военно-химического управления РККА Я. М. Фишмана на увольнение из армии для завершения образования под подписку специализироваться по военной химии и работать затем в этой области.

Много бы места потребовало простое перечисление дел, должностей, мест обучения и службы Н. А. Фигуровского в конце 20-х — первой половине 30-х годов. Причем совсем не просто разобраться, где он был учеником, где учителем — лектором и преподавателем. Вот только главные события.

В январе 1931 г. Н. А. Фигуровский окончил Нижегородский химико-технологический институт по специальности «лесохимия». Дипломный проект защищал по производству ацетона из уксусного порошка. После того через месяц он уже был назначен заместителем директора химико-технологического института, одновременно преподавателем и аспирантом кафедры физической и коллоидной химии.

Весной 1934 г. в Горьковском индустриальном институте он успешно защитил кандидатскую диссертацию (первую в городе Горьком!) на тему «Капиллярные свойства активных углей». Оппонентами на защите были профессора С. И. Дьячковский, П. П. Стародубровский, А. Ф. Капустинский и А. Д. Петров. В тот год он одновременно занимал должность доцента университета и индустриального института, читал несколько самостоятельных курсов в Медицинском, Сельскохозяйственном и других вузах и техникумах. Некоторое время, в связи с отъездом А. Ф. Капустинского в командировку в Америку, Н. А. Фигуровский возглавлял кафедру физической химии в Горьковском государственном университете. Сразу же после защиты диссертации ему удалось на Чернореченском химическом заводе решить проблему потерь платины, применявшейся тогда в качестве катализатора. Опубликованная по проведенным исследованиям в «Журнале прикладной химии» статья «К вопросу о причинах потерь платины при контактном окислении аммиака на платиновой сетке» обратила на себя внимание как у нас, так и за рубежом. Сам Н. А. Фигуровский выделял эту публикацию и считал ее своей первой серьезной работой.

В нижегородско-горьковский период (а отчасти и ранее) Н. А. Фигуровскому довелось познакомиться и сотрудничать со многими выдающимися учеными (А. А. Андронов, А. Н. Бах, В. Н. Ипатьев, П. А. Ребиндер, А. Н. Фрумкин). Осенью 1934 г. он участвовал в

работе VII Юбилейного Менделеевского съезда в Ленинграде. Правда, выступить там с докладом он еще не решился. На съезде круг профессиональных знакомств Н. А. Фигуровского значительно расширился. В частности, он познакомился с председателем оргкомитета съезда академиком Н. С. Курнаковым, который в свою очередь представил его П. И. Вальдену, приехавшему из Ростка.

Ближе к осени 1935 г. в Горький приехал уполномоченный представитель Президиума АН СССР, сотрудник ИОНХ А. П. Рубинштейн с целью вербовки в академическую докторантуру. Естественно, первым кандидатом был Н. А. Фигуровский, который, не раздумывая, сразу же согласился на это предложение. Вскоре он был зачислен в докторантуру Коллоидо-электрохимического института АН СССР, возглавлявшегося тогда известным академиком В. А. Кистяковским, и в конце года перебрался в Москву.

Работа в Коллоидо-электрохимическом институте проходила более чем успешно. Здесь им проводились исследования по физической химии дисперсных систем; были изобретены стеклянные седиментометрические весы, вскоре полностью вытеснившие приборы Вигнера и Ребиндера; в 1939 г. директор института А. Н. Фрумкин пригласил его в свои замы; годом позже успешно защищена докторская диссертация «Седиментометрический анализ и его применение» и вскоре после этого Н. А. Фигуровский по совместительству стал заместителем директора Университета им. Н. Д. Зелинского. В докторантский период случилось его знакомство с молодым тогда Б. М. Кедровым, с которым впоследствии «пришлось съесть немало соли». Рассказ Н. А. Фигуровского, посвященный периоду его наиболее активной деятельности как химика-исследователя, насыщен интересными и, наверное, никому неизвестными фактами о московской научной жизни и многих замечательных ученых, с которыми свела его судьба.

Войну Н. А. Фигуровский встретил в Москве. Дважды он покидал столицу, эвакуируясь с академическими учреждениями в Казань и Горький, и дважды возвращался. Когда положение под Москвой настолько ухудшилось, что «артиллерийская стрельба по утрам даже будила», Н. А. Фигуровский, мучимый мыслями, что он ничего не делает, не приносит никакой пользы и «будет стыдно когда-нибудь отвечать на вопросы товарищей: где я был во время войны», уходит добровольно в Красную армию, хотя имел все права и основания не делать этого.

Годам войны (Сталинград, Южный и Украинский фронты) в мемуарах Н. А. Фигуровского посвящена сотня страниц, представляющих, как и вся рукопись в целом, несомненный интерес как бесценное историческое свидетельство. Для подполковника Н. А. Фигуровского война закончилась в середине 1944 г., когда он стал помощником Уполномоченного Государственного комитета обороны. Оказавшись в подчинении у С. В. Кафтанова, который одновременно был председателем Всесоюзного комитета по делам высшей школы СССР и председателем ВАК СССР, Н. А. Фигуровский вскоре возглавил Управление университетов Министерства высшего образования СССР. Это был его высший административный пост. Нелишне также сказать, что с мая по сентябрь 1945 г. Н. А. Фигуровский пробыл в Германии, занимаясь сбором научного оборудования. Первая заграничная поездка оставила яркий след в его памяти.

Административная карьера, однако, продолжалась недолго. Уже в конце 1946 г. «я стал ощущать, что я пришел не ко двору», и в августе следующего года его «без шума» освободили от номенклатурной должности. Дальнейшие несколько лет его жизни получили освещение в публикуемом ниже фрагменте воспоминаний.

* * *

Н. А. Фигуровский прожил долгую, тяжелую, интересную и достойную жизнь. Человек яркий и самобытный, трудившийся вместе со всеми до конца своих дней, фактически возглавлявший на протяжении многих лет все сообщество советских историков науки и техники, он оставил о себе светлую память. Впрочем, и это естественно, не все в его делах и поступках встречало понимание и приятие. Кто-то (в том числе его бывшие подчиненные, коллеги и даже ученики) говорил о нем как о бездельнике, что, конечно, полная чушь, кто-то обвинял его в холодности, в жадности, а, скажем, другой выдающийся российский историк науки А. П. Юшкевич публично говорил об Н. А. Фигуровском как об антисемите*. Ответы на все эти и другие возможные вопросы имеются в рукописи воспоминаний. Их автор практически без прикрас описывает свой путь, и текст мемуаров во многом позволяет заглянуть в его внутренний мир. Что касается обвинения, выдвинутого А. П. Юшкевичем, то о его справедливости однозначно судить непросто. Скорее, Н. А. Фигуровскому присуще ощущение некоего великорусского превосходства. В рукописи воспоминаний, как правило, артикулируется национальная принадлежность того или иного описываемого лица.

* Например, на заседании Ученого совета и общественных организаций ИИЕТ 24 июля 1990 г., когда доводилось бурно обсуждался вопрос о присвоении институту имени С. И. Вавилова.

Вызывает удивление, с какой дотошностью Н. А. Фигуровский собирал и бережно хранил свой архив, документальное свидетельство своих дней и дел. Здесь было все: письма и личные документы, пригласительные билеты и дневниковые записи, рукописи работ, в том числе неопубликованная монография об истории Солигалича и программы всевозможных конференций и семинаров, огромный фотоархив (сам Николай Александрович был замечательным фотомастером, взявшим в руки камеру еще в 20-е годы) и т. п. Своему архиву он придавал, без сомнений, большое значение, хотя внешне это почти не проявлялось. В 1984 г., если мне не изменяет память, он, озабоченный судьбой архива, сам сдал больше половины документов в Научный архив ИИЕТ. Собирался делать это и далее. Буквально за несколько дней до кончины, случившейся 5 августа 1986 г., он по телефону, уже слабеющим голосом просил немного подождать и обещал вскоре опять заняться бумагами. Спустя полтора года еще одна часть архива была передана в ИИЕТ Еленой Николаевной Фигуровской. Расставаться полностью со всеми документами отца и передать их на хранение в архив ИИЕТ она, к сожалению, не торопилась.

Весной 1992 г. она, наконец, решилась познакомить автора этих строк с рукописью воспоминаний Н. А. Фигуровского и дала, в преддверии будущего юбилея ИИЕТ, предварительное согласие на обнародование публикуемого здесь фрагмента. После неожиданной, скоропостижной смерти Е. Н. Фигуровской (последней в семье), часть документов оказалась на химфаке МГУ и впоследствии, благодаря ученице Николая Александровича и сотруднице Кабинета истории химии МГУ Т. В. Богатовой, возвращена в ИИЕТ, чем была выполнена ясно выраженная воля хозяина архива. Какое-то количество документов, к сожалению, оказалось вне досягаемости, в том числе полный первый экземпляр воспоминаний, содержащий последнюю редакцию и авторские исправления.

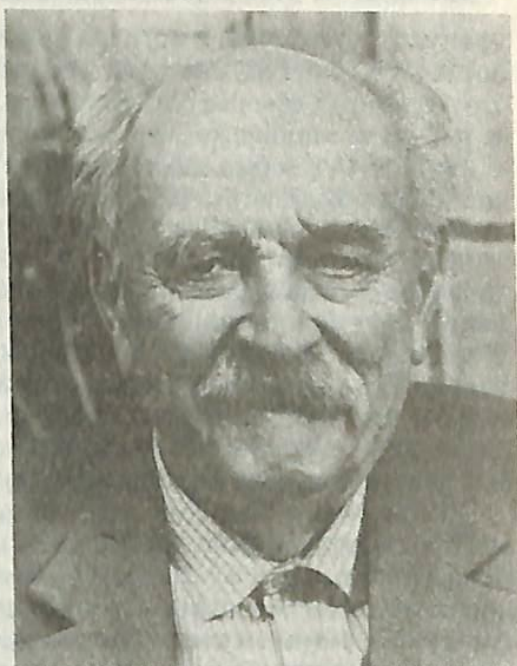
Несколько слов о рукописи воспоминаний Н. А. Фигуровского. Будущий текстологический анализ многое прояснит в истории и обстоятельствах создания этой работы. Однако уже сейчас можно с уверенностью относить начало работы над воспоминаниями к 1955 г., когда 21 октября, ощутив «непреодолимую потребность изложить на бумаге личные воспоминания о давно прошедших временах», Н. А. Фигуровский написал первые три страницы предисловия. В самой рукописи есть много прямых и косвенных датирующих признаков. Автор неоднократно возвращался к тексту — уточнял, исправлял, редактировал и переписывал его: в январе и июне 1959 г., апреле и июле 1972 г., в 1978, в 1983 г... Работа продолжалась, очевидно, до последних дней. К примеру, в мае 1985 г. он расшифровал и собственноручно перепечатал дневниковые записи за 1946 г. В результате имеются две, а может быть и более, редакции рукописи. В комплексе с дневниковыми записями, другими материалами архива воспоминания содержат бесценный материал и для будущей полноценной научной биографии Н. А. Фигуровского, и для истории отечественной культуры и науки в целом. В настоящее время вся рукопись содержит свыше 630 страниц и обрывается на описании событий 1953 г. Однако сам Н. А. Фигуровский за несколько лет до кончины рассказывал, что им описаны события до начала 60-х годов. Об этом также свидетельствует титульный лист IV части воспоминаний, на котором обозначен период: 1947—1970. Какова судьба рукописи завершающей части мемуаров, судить окончательно пока трудно. Е. Н. Фигуровская считала, что этих страниц никогда не было, но уверенности в ее словах я не замечал. Будет бесконечно жаль, если текст пропал навсегда, поскольку именно здесь должен быть ничем не восполнимый рассказ о становлении историка науки, ставшего признанным лидером и классиком, создавшим отечественную историко-научную школу.

Пятидесятые-шестидесятые годы — зенит славы и творчества Н. А. Фигу-

Н. А. Фигуровский (слева), академик Н. Н. Семёнов (в центре) в санатории АН СССР «Узкое». Начало 80-х годов

ровского. Так, на 1 января 1960 г. он был директором Института истории естествознания и техники АН СССР, руководил лабораториями в МГУ и Центральном Аптечном научно-исследовательском институте Минздрава СССР, председательствовал и состоял членом девяти ученых советов, занимал семь научно-общественных должностей (включая руководство Национальным объединением советских историков естествознания и техники), руководил и состоял в редколлегии восьми крупных изданий, был представлен в десяти зарубежных и международных научных организациях, обществах и изданиях — Международной академии истории науки, Германской Академии естествоиспытателей «Леопольдина», Сирийском научном обществе и т. д. В декабре того же года, командированный в Рим для участия в торжествах по случаю 100-летия со дня формулировки Станислао Канниццаро «закона атомов», он выступил с докладом на торжественном собрании в присутствии итальянских министров и сенаторов на тему «Открытие периодического закона химических элементов». Затем советский ученый был принят президентом Итальянской республики Джиованни Гронки. Как почетному докладчику Н. А. Фигуровскому были вручены три золотые медали: в память 100-летия «закона атомов Канниццаро» Национальной Итальянской академии наук сорока (IL), медаль в память Канниццаро Итальянского химического общества и медаль в память 25-летия Итальянского высшего института здравоохранения.

Н. А. Фигуровский. Москва. 1985 г.
Фото А. Кривомазова.
Публикуется впервые

По своим литературным достоинствам публикуемый без существенных исправлений текст, к сожалению, не из лучших. Воспоминания же в целом, смею это утверждать, являются не только ценным историческим источником, но и высокохудожественным произведением, что станет очевидным при их полном издании. Отводя поначалу писанию автобиографических заметок «часы лени», он трудился свыше тридцати лет, постепенно все больше и больше отдавая им времени и сил. В результате Н. А. Фигуровским создано литературное произведение, естественным образом вписывающееся в контекст и традиции русской и мировой мемуаристики. О таких, как он, мудрец из далекой страны и далеких времен сказал: «И так везде: человек, который знает свое дело — превосходен!»*.

Н. А. ФИГУРОВСКИЙ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ И ВОСПОМИНАНИЯ

В Институте истории естествознания и в Университете

На распутье

Итак, 1 июня 1947 г. я был освобожден от должности Начальника Главного управления университетов Министерства высшего образования СССР. Нельзя было не испытывать чувства облегчения. Я, кажется, становился свободным от административной работы, которая мне не особенно нравилась и отнимала все мое время, а я мечтал о научной работе. Наконец-то появились некоторые надежды полностью вернуться к исследованиям. Тем более, что в университете шли работы по конструированию центрифугальных седиментометрических весов, и у меня были уже аспиранты. Правда, все это шло пока по линии Института физической химии АН СССР.

Но еще 25 июня 1946 г. я был утвержден в ученом звании профессора коллоидной химии, и в связи с этим мое положение в МГУ упрочивалось. Правда, мои коллеги по Химическому

* Кэнко-хоси. Записки от скуки (Цурэдзурэгуса). М., 1970. С. 68.

факультету вначале смотрели на меня как на «пришельца» из чужой среды. В МГУ подавляющая часть преподавателей комплектовалась из «своих», т. е. окончивших университет, и на посторонних обычно смотрели косо. Однако мне, видимо, везло. Н. Д. Зелинский¹, имевший в то время непререкаемый авторитет на факультете, относился ко мне прекрасно. Так, еще в июне 1946 г. я был избран действительным членом Московского общества испытателей природы. Декан факультета Е. С. Пржевальский² относился ко мне по-дружески, да и в Минвузе меня не забыли. С начала 1947 г. я стал членом Экспертной комиссии по химии ВАК и т. д.

Так как я преподавал в МГУ историю химии, ко мне стали присматриваться в Институте истории естествознания, который незадолго перед тем был организован³ и пока что имел весьма узкий круг квалифицированных сотрудников. Еще 16 января 1947 г. я был утвержден членом Ученого совета Института истории естествознания. Правда, этому содействовало мое выступление на Совещании по истории естествознания, созванном Институте в конце декабря 1946 г.⁴ Хотя я, как и большинство начинающих историков науки, начал с древности и посвятил свой доклад древнерусской химической терминологии, на меня обратили внимание. Вместе с тем и в Университете с 1 июня я был назначен штатным профессором (по коллоидной химии).

Все это было, конечно, хорошо, но я пока не чувствовал себя привязанным к настоящему месту, работая и в Академии наук в Институте физической химии, и членом Комиссии по истории химии, и в МГУ, и в Институте истории естествознания. Что надо было выбрать в качестве основной работы, было неясно. Но за меня все решило высокое начальство. 30 августа 1947 г. мне показали постановление ЦК КПСС о назначении меня зам. директора Института истории естествознания Х. С. Коштойнца⁵. Волей-неволей пришлось приступить к делу, хотя я, конечно, отнюдь не бросил университетскую работу <...>.

Институт истории естествознания был детищем войны. В конце войны, когда национально-патриотический подъем достиг апогея, стал проявляться широкий интерес к истории отечественной науки. Вначале это было чисто пропагандистское литературное направление. Появился ряд статей, в которых не просто подчеркивалась, а возвеличивалась (и, пожалуй, преувеличивалась) роль русской науки в развитии естествознания. Это направление довольно известно и до сих пор еще многим историкам науки и техники (тогда шутили: «Россия — родина слонов»).

Однако при организации Института удалось собрать небольшой коллектив сотрудников достаточно высокой квалификации и широкого образования. Первым директором был назначен Президент АН СССР В. Л. Комаров⁶, его заместителем — Б. Г. Кузнецов⁷, избранный из окружения Президента (как говорили тогда в АН — «из камарильи»). У него что-то не ладилось с зам. директорством, причины этого, впрочем, неясны, не будем здесь их касаться. В числе сотрудников Института были биологи С. Л. Соболев⁸, П. А. Новиков⁹, Б. Е. Райков¹⁰. Кроме них, назову здесь А. П. Юшкевича¹¹, В. П. Зубова¹², О. А. Старосельскую¹³, Л. Ш. Давиташвили¹⁴, И. Н. Веселовского¹⁵ и нескольких других. Ученый совет Института заседал за круглым столом. Институт размещался в здании фундаментальной библиотеки общественных наук на ул. Фрунзе, 11, по существу в одной-единственной комнате.

Надо, однако, сказать, что малочисленность сотрудников института совсем не сказывалась на продуктивности его работы. В то время историей естественных наук считали приличным заниматься многие видные ученые — академики, профессора, экспериментаторы и пр. Кроме них, внезапно в различных городах, особенно в Москве и в Ленинграде, откуда-то появились до тех пор неведомые никому авторы историко-научных статей и даже книг (Елисеев, Безбородов, Ченакал, Раскин и множество других)¹⁶.

Но главное — в Отделениях Академии наук как-то стихийно возникли комиссии по истории науки. Некоторые из них, например, Комиссия по истории химии, работали очень активно и даже продуктивно. Мне кажется, в этом сказалась старая закваска деятельности довоенного Института истории науки и техники и даже комиссии, возглавлявшейся в свое время В. И. Вернадским¹⁷. Одним словом, наблюдалось явное оживление интереса к истории науки, прежде всего в России и куда меньше в СССР.

Приступив в такой обстановке к работе в качестве зам. директора Института истории естествознания, я мог надеяться, что работа пойдет успешно без особого напряжения, т. е. позволит мне продолжать начатые еще до войны мои экспериментальные исследования по физико-химии дисперсных систем и седиментометрическому анализу. В Университете у меня успешно работали аспиранты (Н. Н. Ушакова, В. Казанская). Вместе со мной стала работать Т. А. Комарова. По истории химии у меня был аспирант Г. В. Быков¹⁸. Сам я очень интенсивно в это время писал и готовил к печати свою книгу «Седиментометрический анализ», которая вышла в 1948 г.¹⁹

Таким образом, я твердо надеялся, что мне удастся совместить экспериментальную и историко-научную деятельность и именно поэтому я сравнительно легко без особых колебаний согласился занять должность зам. директора Института истории естествознания. Эти мои надежды оправдались в дальнейшем, однако, лишь частично. Того, что было намечено в 1947 г., я полностью не выполнил. В значительной степени этому содействовало не мое со-

вместительство или работа на два фронта, а разнообразная общественная работа, которой я оказался загруженным на много лет в самых различных учреждениях (и направлениях).

Первые годы работы в университете

Итак, в университет я пришел как чужак, окончивший совершенно другой вуз, да еще по технологической специальности. Это, конечно, вызвало известную настороженность по отношению ко мне со стороны определенной части факультетских работников. Меня, собственно говоря, не упрекали в этом прямо, не указывали мне на явные промахи в моем курсе истории химии, который я стал читать (он был тогда достаточно обширным — 72 часа лекций помимо других занятий). Но на меня некоторые профессора смотрели как на человека временного в университете. Особенно в начале это было заметно со стороны А. Н. Несмеянова²⁰. Но работа шла. Только в конце 40-х годов я как-то был у Н. Д. Зелинского, и тот вдруг заявил мне: «Я рад сообщить вам, что факультет с удовольствием принимает вас в свою среду». Это меня крайне удивило. Я и не предполагал, что ко мне так внимательно присматриваются, особенно руководители коллектива факультета.

Первые мои курсы истории химии, прочитанные в 1946 и в 1947 г., были, конечно, неудовлетворительны. Хотя я и ранее читал историю химии еще в Горьком, я тщательно готовился к лекциям, писал конспекты, много читал. Но самое главное, что я не понимал сначала, что в курсе главное, а что — второстепенное, вернее, я увлекался разными деталями, особенно относящимися к древним периодам. Я рассказывал студентам о секретах древних ремесел, о древнем Египте, Вавилоне и т. д. Так как об этом они никогда не слышали, они воспринимали сказанное мною не без интереса. Однако излишние подробности о древних периодах развития химии, сопровождаемые общеисторическими, филологическими и другими сведениями, конечно, были в общем излишни и имели лишь небольшое отношение к подлинной истории химии, начавшейся лишь в XVIII в. Курс мой, несмотря на значительную обширность, заканчивался на Менделееве и Бутлерове. Самое интересное я не успевал прочитать. Химия XX в. и для меня еще оставалась темной.

Но тем не менее могу сказать, что мои лекции заинтересовывали студентов, мало образованных как в части социально-экономической истории, так и в части различных явлений и понятий химии древности, средневековья, Возрождения и Нового времени до XX в. Элементарное знание латыни и греческого помогало мне объяснять некоторые названия и термины, что тогда было отчасти модно, так как часть сотрудников факультета интересовалась терминологией и номенклатурой.

Но год от года курс шлифовался. За счет рационального сокращения материала древности все более и более вводился материал развития химии за последние 150 лет.

Курс в то время заканчивался экзаменами. Это, конечно, было довольно мучительно. Студенты хотя и готовились, но усваивали, конечно, мало. Самое главное — они запоминали отдельные, интересные с их точки зрения факты, относящиеся иногда к деталям, а не к главному. Марксистская историческая концепция — связь науки с производством, с потребностями общества, социально-экономический фон развития науки — для них было самым трудным, несмотря на то, что они прослушали соответствующие курсы исторического и диалектического материализма. Экзамены, хотя и были для меня мучительным периодом, — надо было побеседовать с 200 студентами — конечно, содействовали накоплению преподавательского опыта.

В первые годы на прием экзаменов ко мне приходила иногда факультетская комиссия. Я только потом понял, что меня изучали как преподавателя, да еще пришлого, на факультете. Конечно, все оканчивалось благополучно, так как члены комиссий сами были малограмотны в области истории химии.

Внимание, которое придавалось в то время истории науки, отразилось и на организационных формах преподавания. В начале 1948 г. я был утвержден заведующим кафедрой истории химии, что лишь прибавило дела. Впрочем, факультет в то время был еще невелик по масштабам и всякого рода заседаний Ученого совета и других было сравнительно немного.

Что касается исследовательской экспериментальной работы, она занимала меня не в меньшей степени, чем история химии. В физико-химии дисперсных систем было множество проблем, привлекавших мои интересы. Меня все время, например, мучила мысль, каким образом можно получать осадки при реакциях с заданными размерами (вероятнейшими) частиц. Седиментационный анализ для этой цели был единственным надежным методом, и поэтому его совершенствованию также приходилось уделять много внимания. Интересным был вопрос об исследовании дисперсности высокодисперсных материалов. Об ультрацентрифуге я, естественно, не мог мечтать. Но мне казалось, что для изучения суспензий и эмульсий она и не нужна. Нужна была тихоходная центрифуга, фиксирующая кинетику оседания. Над ней я думал еще до войны и даже в спокойные часы на фронте. Теперь же я решил приступить к ее постройке, что оказалось очень трудным, так как я не мог располагать квалифицированными конструкторами и мастерами. Все же что-то было построено, и даже было получено авторское свидетельство на центробежные седиментационные весы.

Мои аспиранты изучали условия образования осадков в зависимости от разных факторов — концентрации растворов, температуры и прочего. В связи с этим пришлось заинтересоваться кинетикой кристаллизации, и такую тему я дал Т. А. Комаровой, которая с некоторым неудовольствием занялась ей. Только много лет спустя удалось решить в общем проблему получения взвесей и осадков с регулируемой дисперсностью. Кроме этого, занимался я и защитными сольватными оболочками. Мне с помощью старушки М. Ф. Футран после огромного числа определений скорости расслоения эмульсий удалось даже рассчитать толщины сольватных оболочек, что заинтересовало, в частности, А. Н. Фрумкина.

Так или иначе, работа шла; мне помогали и фактически выполняли эксперименты по моим идеям аспиранты и двое сотрудников, прежде всего Т. А. Комарова.

Таким образом, в университете работа шла, хотя и медленнее, чем хотелось бы, и эта работа меня удовлетворяла. Шло и время, накапливался по крохам опыт и экспериментальный материал. Я публиковал теперь хотя и немного, но публиковал.

Первые годы в Институте истории естествознания

Моя замдиректорская служба сама по себе пока не требовала слишком много работы. Коллектив Института был маленький. Ученый совет, заседавший (умещавшийся) за круглым столом, собирался не часто. Директор института чл.-корр. Х. С. Коштойац, будучи биологом-экспериментатором, сам, подобно мне, раздваивался в своих занятиях и бывал в Институте далеко не ежедневно.

Работа моя состояла в составлении планов и отчетов, в беседе с немногими ведущими сотрудниками по разным вопросам, в чтении поступавших рукописей книг и статей, в чисто административных делах подписи переписки, ассигновок и чеков, разных ведомостей. Пожалуй, одной из трудных обязанностей было присутствие по средам на заседаниях Отделения истории АН СССР, в состав которого тогда входил наш институт. Отделением руководил академик-секретарь Б. Д. Греков²¹. Обсуждались, естественно, главным образом чисто социально-исторические проблемы, которыми занимались институты Отделения истории. Иногда эти заседания были интересны для меня, иногда же скучны до предела. На этих заседаниях я познакомился с многими историками: Б. Д. Грековым, Н. М. Дружининым²², И. И. Удальцовым²³, И. Э. Грабарем²⁴ и многими другими. Особенно приятно было знакомство с М. Н. Тихомировым²⁵, симпатичным, скромным, внешне ничем не выдающимся человеком, но глубоким знатоком русских древностей. С ним я встречался не только на заседаниях Отделения истории АН СССР, но и дома. Мы жили в одном домике на Беговой улице.

Воспоминания об ученых, с которыми мне пришлось встретиться в Институте, писать трудно. Многие из них еще живы, многие — умерли. О живых, как известно, писать трудно. А о мертвых, согласно латинской пословице: *De mortuis — aut bene, aut nihil*^{*}.

Все же, мне кажется, вкратце кое-что следует сказать. Сам Х. С. Коштойац был видным физиологом и изучал, насколько я понимаю, физиологические функции протеинов, нуклеиновых кислот, отдельных аминокислот и тому подобное. Он был молодым и энергичным, не чуждался жизненных успехов. Как директор, он должен был подавать пример научной активности в области истории биологии членам коллектива Института. И он в этом отношении оказался на высоте. Несмотря на занятость экспериментальными исследованиями, он написал «Историю физиологии», книгу, которая, я думаю, не потеряла своего значения и до сих пор. В Институт он приезжал не каждый день, иногда не бывал в Институте по неделям. В первое время я интересовал его главным образом с точки зрения качеств ученого. Он знакомился с моими сочинениями и, мне кажется, более или менее был удовлетворен. Он поручал мне работы по рецензированию законченных сотрудниками трудов, по редактированию разных книг. Вскоре мы с ним как-то разделили функции административного и научного характера и работали в общем дружно и доверительно.

Ученым секретарем Института был некто Иван Александрович Поляков²⁶. Это был внешне работоспособный, хотя и очень слабо подготовленный человек. Он сидел в Институте целыми днями, осуществлял связь Института с внешним миром по телефонам, был очень чувствителен к различным слухам и знал кое-что о тенденциях развития Института и отношении к нему и к его отдельным работникам высокого начальства и пользовался этим при принятии соответствующих решений в дирекции. Он числился кандидатом биологических наук, но документы о получении им степени были у него не в порядке — какое-то удостоверение о защите (видимо, мнимой), полученное им во время войны в одной из Среднеазиатских республик²⁷. Мне казалось, что он был в постоянной тревоге, что у него потребуют формального подтверждения наличия у него степени.

^{*} О мертвых — или хорошо, или ничего (лат.).

В те времена был силен еще Т. Д. Лысенко²⁸, к которому примкнуло несколько недалеких в науке людей. И. А. Поляков был лысенковцем и выступал с соответствующими статьями. Сомнительность его положения и в этом отношении, и в его квалификационных делах привели к тому, что он вначале принужден был уйти из ученых секретарей, а затем и совершенно «исчезнуть» из Института, так что уже более 25 лет о нем нет ни слуху, ни духу.

И. А. Поляков стремился быть авторитетным деятелем Института. Он был секретарем парторганизации, состоявшей тогда из 5 (кажется) человек. На партсобраниях он выступал с критикой, в том числе и меня, пытаясь показать вид, что он «кое-что значит» в жизни Института. Но в общем в первые годы у нас с ним никаких конфликтов не было.

Среди ученых Института упомяну прежде всего давно покойного Самуила Львовича Соболя. Он был достаточно хорошо образованным биологом и упорно трудился. В конце 40-х гг. он был целиком занят исследованием о микроскопах XVIII и XIX вв. Он прежде всего собрал в Москве и в других городах несколько старинных микроскопов. В результате была создана довольно большая и интересная коллекция этих приборов, послужившая ему основой для написания книги по истории микроскопии. Соболев был скромным человеком, в отличие от людей его круга, с которыми приходилось иметь дело. Умер он неожиданно рано.

Из других биологов упомяну о зоологе Павле Александровиче Новикове. Он был работяга, но по характеру, пожалуй, менее энергичным, чем другие, и менее приспособленным к историко-научным исследованиям. Его нередко критиковали, главным образом, пожалуй, за чисто фактологический подход к истории биологии. Он был незлобив, пожалуй, выглядел несколько забитым человеком, как некоторые биологи в «лысенковскую эпоху».

Более колоритной и интересной фигурой в области истории биологии был мой друг Борис Евгеньевич Райков, работавший в Ленинграде в Педагогическом институте и живший там же, около Казанского собора. Он был, конечно, образованным биологом с огромным преподавательским стажем, много знал, умел пользоваться богатейшими ленинградскими архивами и очень много писал. Его сочинения, пожалуй, отразили его огромный педагогический опыт. Они написаны популярным и доступным языком, вместе с тем на хорошем научном уровне. О жизни и деятельности Б. Е. Райкова написана книга, вышедшая в Ленинграде в 1970 г., так что нет надобности повторять здесь опубликованные сведения.

В Институт Б. Е. Райков пришел уже в пожилом возрасте (он род. в 1880 г.), в 1948 г. ему было под 70. Тем не менее он довольно часто приезжал в Москву и участвовал в различных заседаниях. Позднее он приезжал все реже и реже и, наконец, совсем перестал посещать Москву. Но энергия его сохранилась, он много сделал для организации и налаживания исследований в Ленинградском отделении Института.

По должности зам. директора, а затем директора Института я довольно часто бывал в Ленинграде и всегда старался посещать Б. Е. Райкова. Он жил в довольно обширной квартире, в его кабинете был всегда строжайший порядок. Все материалы, нужные ему для работы, хранились у него в особых папках, и он сразу мог найти все, что ему было нужно (в отличие от нашего брата). Что поражало еще в его квартире — это библиотека русских и советских писателей. Я думаю, что такого подбора книг, как у Б. Е., трудно было найти в другом месте. Вспоминается также, что Б. Е. Райков, проводивший время своего отдыха на даче в районе «Лисий нос», делал там замечательные настойки и наливки из различных ягод.

Среди сотрудников Института в первые годы его существования были ученые, не принадлежавшие собственно к специалистам естественных наук. К их числу принадлежал Василий Павлович Зубов. Он был сыном известного профессора Московского университета П. В. Зубова — сотрудника Лугинской термической лаборатории. Дед его был видным московским купцом 1-й гильдии. В. П. Зубов получил хорошее образование, знал языки, был специалистом по искусствоведению, прежде всего по истории архитектуры. Однако его научный кругозор оказался очень широким. Он занимался, в частности, древнерусской филологией, историей естествознания, в том числе физики и другими областями. Первое время в Институте он выделялся своими энциклопедическими знаниями и вскоре выпустил несколько работ высокого научного значения.

С В. П. Зубовым я близко познакомился во время совместных поездок в

В. П. Зубов (в центре) и Н. А. Фигуровский (справа) на отдыхе под Москвой. 50-е годы

заграничные командировки. Помню, во Флоренции²⁹, которую я увидел впервые, В. П. Зубов, который там был также впервые, рассказывал мне об архитектуре храмов и сооружений, о разных деталях их внешних украшений так, как будто он многократно их видел. То же самое было, когда мы с ним осматривали достопримечательности Рима. Я, например, до своей первой поездки в Италию никогда не предполагал, что в Риме есть Каракаллы³⁰ и остатки других сооружений. В. П. Зубов объяснял мне их архитектуру, указывая на такие детали, на которые впервые их видящий не обращал бы никакого внимания.

Надо сказать, что В. П. Зубов умел трудиться, сидел в архивах и библиотеках, изучал даже то, что в молодости ему было совершенно не нужно, в частности, вопросы развития естественных наук, древнерусские сочинения, историю античной философии и т. д. Писал он обо всем этом весьма квалифицированно. Он был отчасти, что называется, непрактичным человеком, жил очень скромно, хотя детство и юность провел, несомненно, в полном довольстве.

Из других сотрудников Института назову здесь Павла Митрофановича Лукьянова³¹. Он много лет был профессором Менделеевского химико-технологического института, написал несколько учебников по технологии производства неорганических материалов. По его пособию по производству серной кислоты мне пришлось в студенческие годы готовиться к экзамену по химической технологии. Он прошел школу инженера-химика, работая много лет главным инженером Кинешемского анилизавода. В его характере и привычках сохранились черты старого царского специнженера. Не во всех отношениях он был мне симпатичен. Однако работал он много и легко. Достаточно сказать, что в течение нескольких лет он написал огромное 6-томное (толстые томы) сочинение по истории ремесел и химических производств в дореволюционной России, и ряд других книг, и множество статей. Он был знатоком своего дела, и этим объясняется его успех.

В последние годы своей жизни он по настоянию некоторых деятелей Института (во второй период его существования) пытался стать рупором интриги, которая велась против меня различными деятелями (Шухардин³², Сокольский³³, Григорьян³⁴ и др.), но после в этом, видимо, раскисался и рассказал мне, как его принуждали «преследовать» меня.

Я, пожалуй, на этом ограничусь в воспоминаниях о первых сотрудниках Института — моих коллегах. Впрочем, может быть, я успею при наличии настроения написать о некоторых из них в приложении.

Вскоре после моего прихода в Институт его штат стал довольно быстро разрастаться. Пришло много новых сотрудников, преимущественно молодых, появились аспирантура и докторантура. Дела стало прибавляться. Мне приходилось теперь иногда целые дни проводить в Институте, занимаясь разными делами. Быстро разрасталась и издательская деятельность Института. Рос его авторитет. Вначале Институт работал в тесном контакте с комиссиями по истории естественных наук при Отделениях АН СССР, затем постепенно эти комиссии ликвидировались, так как Институт, расширившись, мог уже выполнять исследования почти по всем отраслям естествознания.

Моя общественная деятельность в 1947—1951 гг.

Общественная работа занимала в эти годы значительную часть моего времени, и поэтому о ней следует сказать несколько слов. Прежде всего надо упомянуть, что с начала 1947 г. я был назначен членом Экспертной комиссии по химии ВАК. С этого времени я состоял в этой комиссии с небольшим перерывом более 25 лет. В начале, когда она только что организовалась, работы было сравнительно немного. Но с течением времени число дел, поступающих в комиссию, быстро возрастало, и в конце 60-х гг. было создано уже две химических экспертных комиссии. Я перешел в Комиссию по неорганической и физической химии.

Комиссия собиралась круглый год, за исключением каникулярного времени, по четвергам в здании Министерства высшего образования на Рождественке, 11, очень хорошо знакомом мне по работе в Министерстве. Первым председателем Комиссии был Б. В. Некрасов. Комиссия была небольшой по численности. <...> Ко мне попадали все дела по коллоидной химии, частично по физической, иногда по аналитической химии и, конечно, по истории химии. <...>

После рассмотрения всех дел, особенно в первые годы работы комиссии, мы расходились. Однако компания членов комиссии обычно направлялась в ресторан тут же на Рождественке (забыл старое его название). Нас обычно встречал сам метр д'отель, который нас прекрасно знал как постоянных и почтенных посетителей. Обычно для нас всегда находился столик в задней комнате, и мы сидели часа два, отдыхая и болтая о том и о сем.

<...> Со многими химиками я подружился и до сих пор встречаю оставшихся в живых с большим удовольствием. Сожалею, что большинство моих коллег по комиссии уже умерло. Большею частью это были прекрасные люди и хорошие ученые³⁵. Вспоминаю Б. В. Некрасова, А. В. Фроста, В. М. Родионова, М. М. Шемякина, А. Е. Успенского, А. Б. Силаева, позднее моего друга — председателя комиссии Г. М. Панченкова, И. И. Черняева, О. Е. Звягинцева, В. В. Феофилактова, В. А. Киреева, Б. М. Беркенгейма, А. М. Дымова, еще позднее

К. В. Астахова, И. С. Скляренко, В. А. Деревницкую, Б. П. Никольского (Ленинград), Н. А. Измайлова (Харьков), Я. К. Сыркина, В. В. Козлова, А. Н. Пудовика (Казань), Г. А. Крестова (Иваново) и многих-многих других. Частью, за давностью времен многих я забыл, но с некоторыми встречаюсь и до сих пор (Н. К. Кочетков, Б. М. Михайлов и т. д. и т. д.). В последние годы моей работы в комиссии моими друзьями были П. С. Титов, Э. А. Остроумов, Б. А. Иванов-Эмин и другие. С многими, университетскими, в частности, Ю. А. Пентиним, Ю. В. Филипповым и многими-многими другими я подружился.

Сколько было переговорено с ними по разным вопросам, у многих из них было чему поучиться. В те времена, особенно в 40—60 гг., я знал и был лично знаком с основным контингентом московских химиков.

Надо сказать, что все они в различные периоды аккуратно ходили на заседания комиссии и считали эту свою обязанность главной в своей общественной работе. Я не отставал от других. Работа в Комиссии позволяла мне быть в курсе основных направлений исследований в стране и была поучительной.

Вторая моя общественная работа была в Комиссии по истории химии при Отделении химических наук³⁶. Я был связан с ней с 1945 и особенно с 1946 г. Выше говорилось о широком интересе к вопросам истории химии в России и в СССР к концу войны. Этот интерес проявился особенно у ряда видных химиков Академии наук СССР. Большим энтузиастом работы по истории химии был акад. А. Е. Арбузов, который в те времена часто ездил в Москву и особенно увлекался историей Казанской школы химиков.

Вначале я присутствовал на заседаниях Комиссии по приглашению, слушал доклады о различных проектах, которые предлагались для расширения работы. Затем я все более и более втягивался в эту работу. С 1947 г. с самого начала я был введен полноправным членом Комиссии, а в 1949 г. стал зам. Председателя. Работа в Комиссии по истории химии лишь частично перекрещивалась с моей основной работой — зам. директорством в Институте истории естествознания. Впрочем, Комиссия и ее председатель А. Е. Арбузов и, конечно, я, были увлечены в те времена совещаниями по истории химии. Значительная их часть проводилась совместно с Институтутом, а позднее — в здании Института истории естествознания.

Большим событием в жизни и деятельности Комиссии были два Всесоюзных совещания по истории химии. Первое Всесоюзное совещание по истории химии мы организовали в Москве, в аудитории Химического отделения АН 12 мая 1948 г. Это совещание прошло весьма успешно. После краткого вступительного слова А. Е. Арбузова в течение четырех дней было заслушано около 25 докладов, в том числе — А. Ф. Капустинского, С. З. Рогинского, Я. И. Герасимова, М. И. Усановича, Н. А. Измайлова, А. В. Думанского, Б. М. Кедрова, А. В. Скворцова (бывшего секретаря Д. И. Менделеева), О. Е. Звягинцева, С. И. Вольфовича, И. Н. Плаксина, Н. Ф. Ермоленко, А. С. Садыкова, Ю. С. Залкинда, А. Д. Петрова, Н. Д. Зелинского и два моих доклада. Я привел перечень (не всех) выступавших для того, чтобы продемонстрировать, какие видные ученые интересовались в то время историей химии. Труды Совещания были изданы (1950).

Второе Совещание было созвано в Ленинграде и прошло 21—26 апреля 1951 г. Оно, кажется, прошло еще успешнее. С докладами выступили также видные ученые, в том числе Б. А. Арбузова, А. Е. Арбузов, В. И. Есафов (Свердловск), А. Ф. Платэ, М. Ф. Шостаковский, А. Д. Петров, М. М. Дубинин, Х. С. Коштойац, О. Е. Звягинцев, С. И. Вольфович, Н. А. Торопов, Ю. Г. Мамедалиев, С. Н. Данилов, Ю. С. Мусабеков и другие. Я, кажется, не выступал на этом совещании, но зато был ответственным редактором издания его трудов.

Помимо множества больших и малых совещаний по истории химии, Комиссия по истории химии оставила след и своей литературной деятельностью. Помимо изданий трудов двух Всесоюзных совещаний, комиссия выпустила (под моей редакцией) книгу: «Новые материалы по истории открытия периодического закона Д. И. Менделеева» (1950). Из недр комиссии вышли известные монографии по истории химии А. Е. Арбузова и А. Ф. Капустинского, хотя под грифом Института, так как у Комиссии в те годы не было своих издательских планов. Таким образом, Комиссия по истории химии оставила довольно яркий след своей деятельности и, несмотря на затраты времени, которого требовала работа в Комиссии, я чувствую известное удовлетворение своей работой там.

Внимание к истории отечественной науки было в то время, пожалуй, общим во всей Академии наук. Президент АН СССР С. И. Вавилов³⁷ был инициатором созыва сессии Общего собрания АН СССР, посвященного истории отечественной науки. Собрание это состоялось в Ленинграде 5—11 января 1949 г. Я принимал участие в подготовке этого собрания как член Комиссии Президиума АН (с 1 декабря 1948 г.) Собрание Академии наук вылилось в грандиозное мероприятие (5—11 января 1949 г.), на котором выступили с докладами виднейшие ученые. Труды этого Общего собрания АН изданы в 1949 г. Я выступал с докладом, а также в прениях³⁸.

Комиссия по истории химии фактически прекратила свое существование около 1954 г. в связи с реорганизацией Института истории естествознания. С лета 1949 г. я был заместителем председателя этой комиссии (у А. Е. Арбузова).

Кроме этого <...> я был зам. председателя Оргкомитета по созыву второго Всесоюзного совещания по истории химии в 1950 г. В том же году Министерство высшего образования создало Комиссию по разработке научного наследия Д. И. Менделеева, в которой и я принимал участие.

В те времена я с семьей жил не особенно важно по разным причинам (в материальном отношении) и был, конечно, заинтересован в дополнительных заработках. Поэтому я не отказался от приглашения на работу (по совместительству) в Центральный аптечный институт, где у меня работало несколько человек по методам физико-химического исследования лекарственных форм. В марте 1949 г. я был утвержден Министерством здравоохранения СССР членом Ученого совета Аптечного института, в котором я проработал более 15 лет.

К этому же времени относится организация Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. Я не был на Организационном собрании Общества в 1948 г., так как был, кажется, в Доронже. Но вскоре (19 октября 1949 г.) я был утвержден Президиумом Общества действительным членом этого Общества. Вскоре я начал принимать все более близкое участие в лекционной работе и в организационной работе Общества. С 13 марта 1951 г. я стал заместителем председателя Химической секции Общества по распространению политических и научных знаний и с этого времени все более втягивался в эту работу, продолжавшуюся около 15 лет. Об этом я напишу, пожалуй, несколько ниже.

В том же 1951 г. я был членом Совета Московского дома ученых, а 3 ноября (1951) стал членом Редколлегии серии «Классики науки». <...>

Я думаю, только сравнительно молодой возраст и здоровье позволили мне справляться со всей этой нагрузкой, которая сейчас для меня была бы совершенно невыносимой.

При всем этом мне пришлось переживать в эти годы крупные неприятности. Прежде всего, из-за расширения контингента аспирантуры и докторантуры АН СССР, мне вдруг было предъявлено требование выселиться из аспирантского общежития на Малой Бронной улице. Управление делами, конечно, выполняло указание ЦК об обеспечении вновь поступавших аспирантов жильем. Когда я отказался выехать из общежития неизвестно куда, мои вещи (в мое отсутствие) дважды выносились из занимавшихся мною комнат в коридор. Мне приходилось ходить к прокурору, в Моссовет и в другие инстанции, где меня в общем поддерживали, и в конце концов мне была предоставлена квартира на Беговой улице. Но нервотрепки с этим выселением было более чем достаточно. Я до сих пор с возмущением вспоминаю об этом чисто бюрократическом решении проблемы жилья. Но вот, наконец, я с семьей переехал на Беговую улицу, в небольшой домик в нижнем этаже, на углу с Хорошевским шоссе. Были и другие неприятности личного характера. Однако разнохарактерная работа моя продолжалась*.

<...>

Реорганизация Института

Наш Институт занимался только наукой (Институт истории естествознания). Исследования велись по общей истории естествознания, по истории отдельных естественных наук и математики. Конечно, сил было мало и различные области истории естественных наук разрабатывались неравномерно. Отставала особенно история физики. Однако Институт время от времени выпускал очередные книги, причем некоторые из них — вполне удовлетворительные. Кажется, в 1952 г. две книги, выпущенные Институтом, были удостоены Сталинской премии (С. Л. Соболев и П. М. Лукьянов)³⁹. К тому же в ряде отделений АН СССР довольно активно работали комиссии по истории наук. Проводились Всесоюзные и частные совещания по истории отдельных наук, а в 1949 г. (январь) прошла специальная сессия общего собрания АН СССР в Ленинграде по истории науки (см. Труды сессии).

Среди комиссий по истории наук при отделениях работала (очень неважно)⁴⁰ Комиссия по истории техники при ОТН АН СССР. Мы о ней долгое время почти не слышали. Она ничего не выпускала, хотя имела штат научных сотрудников. Впрочем, в 1952 г. Комиссия по истории техники провела Всесоюзное совещание, довольно многочисленное, которое и привело к ее штатному расширению⁴¹. Комиссия, насколько я вспоминаю, размещалась в здании Политехнического музея. Вначале ею руководил проф. Б. Н. Юрьев, а с 1952 г. чл.-корр. А. М. Самарин.

Среди техников, активно участвовавших в работе Комиссии по истории техники, была В. А. Голубцова⁴² — специалист по электротехнике (электроизоляции). Она была женой

* Далее опущены л. 20—22, посвященные описанию отдыха, который Н. А. Фигуровский проводил в те годы, как правило, у своей матери в деревне Доронже, близ Кинешмы.

На заседании ИИЕТ. Слева направо: Э. Кольман, И. Г. Васильев, Н. А. Самойлов, Н. А. Фигуровский, Н. И. Барбашев, И. А. Федосеев, А. А. Осинкин. Конец 50-х годов

Г. М. Маленкова, ставшего с 1953 г. председателем Совета Министров СССР. Это была достаточно образованная, главное же **весьма энергичная и инициативная** женщина, широко известная до этого в качестве директора Московского **энергетического института**. И вот, однажды в августе 1953 г. (Почему отмечали 30-летие в 1984 г. в марте?)⁴³ В. А. Голубцова позвонила мне по телефону и спросила, когда она могла бы приехать ко мне для переговоров. Мы договорились, и в один прекрасный момент к зданию Института (ул. Фрунзе, 11) подъехала важная правительственная машина. В. А. Голубцова обратилась ко мне (она, видимо, избегала обращаться к Х. С. Коштойянцу) с предложением объединить Институт с Комиссией по истории техники. Я был решительно против такого объединения. Мне казалось (да и теперь еще кажется), что история техники, да еще в тогдашнем состоянии, не просто осложнит работу Института, но и вызовет целую кучу осложнений в основных методах уже налаженной у нас работы. В. А. Голубцова после весьма учтвого разговора со мной уехала ни с чем.

Я, понятно, пошел к А. В. Топчиеву⁴⁴, рассказал ему обо всем. Он, будучи моим близким знакомым, почти другом, посоветовал мне, однако, отнестись к этому делу положительно и ни коим образом не перечить В. А. Голубцовой. А. В. Топчиев был политиком, тут уж ничего не поделаешь. Х. С. Коштойянец был против объединения. Что было делать?

Недели через две В. А. Голубцова сделала второй визит ко мне, и пришлось сдать позиции. Как только я скрепя сердце согласился, полагая, что «пока суд да дело», пройдет некоторое время, и, может быть, дело утрясется. Но не тут-то было. Кажется, через неделю после последнего визита В. А. Голубцовой, 1 сентября 1953 г., мне стало известно, что состоялось постановление Совета Министров СССР об объединении Института истории естествознания с Комиссией по истории техники. Вот что значит иметь дело с такими людьми!

Вскоре мы переехали из уютной комнаты на ул. Фрунзе, 11 в новое помещение в Политехнический музей (Новая пл., 3) в отдельное, сравнительно обширное помещение. Вскоре был назначен директором академик А. М. Самарин. Я и В. А. Голубцова были назначены заместителями директора. В жизни Института началась новая эпоха, связанная с новыми, далеко не всегда разумными инициативами вновь пришедших к нам сотрудников по истории техники.

Можно было бы закончить на этом описание событий в Институте в 1953—1954 гг. О деятельности Института можно судить по публикациям, объем которых быстро расширялся. Но мне хочется вспомнить некоторые детали. В. А. Голубцова как зам. директора оказалась очень заботливой хозяйкой. Вскоре в Институте появился прекрасно оборудованный зал заседаний, библиотечные шкафы хорошей работы, сделанные в мастерских Совета Министров. Издательская деятельность Института быстро расширялась. Началась серия «Трудов Института»⁴⁵, возник временный сборник, заменявший журнал «Вопросы истории естествознания и техники»⁴⁶. Появились и некоторые нововведения, улучшившие и внешность и культуру обстановки работы в Институте.

Но внутренняя жизнь в Институте осложнилась. В составе сектора по истории техники было мало квалифицированных работников, наоборот, появились люди — лодыри, которые

поддерживали свое право на работу в Институте болтовней на собраниях, критиканты в принципе, мало понимающие в научной работе. Как известно, начавшие работу в новой области после ряда лет обыкновенной учрежденческой работы всегда начинают интерес к новому с «Адама», т. е. с древности. Настоящих, нужных тем многие боялись. Занимались, например, работами по технике в древней Руси, изучали летописи не будучи историками, занимались «историей русской печи» и тому подобными темами.

А. М. Самарин — металлург, никогда не занимался историей техники, не мог, конечно, сразу же поставить дело на нужный уровень. К тому же он скоро был назначен директором Института металлургии.

Поэтому собрания и заседания Ученого совета часто проходили в пустых разговорах. Некоторое время после ухода А. М. Самарина и. о. директора Института был И. В. Кузнецов⁴⁷ — физик, увлекавшийся больше философией. Зам. директора по хозяйственной части был тяжелый человек — самовлюбленный и самонадеянный, но полуграмотный в буквальном смысле слова. Он выступал на собраниях с самой резкой критикой сочинений, выполненных людьми, которые ему не импонировали, при этом чудачил, например, говорил вместо «фрагменты» — «прагменты». Впрочем, подобных типов и кроме него было предостаточно. Один, например, предлагал уменьшить размеры строительного кирпича с тем, чтобы он мог удобно браться женской рукой, поскольку-де сейчас кирпичной кладкой на строительстве заняты преимущественно женщины (!) и прочее, прочее. Были, конечно, и серьезные работники. Но общим, пожалуй, их недостатком было то, что все они отстали от современного состояния науки и техники и нередко переписывали то, что находили в источниках. Покойный президент АН СССР говаривал про таких, что «они из двух книг делают третью». Тем не менее работа постепенно шла и улучшалась. Многие издания, особенно статьи того времени представляют и теперь определенный интерес. Но оставим пока Институт, чтобы после еще раз вернуться к нему.

Жизнь и работа в первой половине 50-х годов

50-е годы, пожалуй, были кульминационным пунктом моей деятельности и научной, и общественной. Занимался я в те годы самыми разными вещами. Основной работой было замдиректорство в Институте истории естествознания и техники*.

<...> Плохо быть стариком и писать воспоминания. Все старое, что пережито в детстве, в ранней молодости, в начале жизни, я хорошо помню и чем ближе к концу, тем все меньше и меньше воспоминаний. А ведь я жил полнокровной жизнью в эти годы и полнокровно отдыхал, чтобы снова взяться за тяжелые и разнохарактерные дела. Придется, видно, если доживу, дополнительно записывать то, что вспомнится в дальнейшем, относящееся к этим годам.

Директорство в Институте

Наш институт сразу же после реорганизации 1953 г. вышел из подчинения Отделению истории АН и перешел в непосредственное подчинение Президиуму АН СССР. Поэтому мне как основному зам. директора приходилось очень часто посещать президента, вице-президента и ученого секретаря АН СССР. Пожалуй, это было приятно. Президент АН С. И. Вавилов был, конечно, приятнейший человек, сохранивший все лучшие качества старого русского интеллигента-ученого. Прежде всего он не только понимал важность исследований по истории естествознания, но и сам писал. Его книга о Ньюtone, выпущенная в начале 50-х годов**...

Примечания

- 1 Зелинский Николай Дмитриевич (1861—1953) — академик, химик-органик.
- 2 Пржевальский Евгений Степанович (1879—1956) — доктор химических наук, профессор, химик-аналитик.
- 3 Институт истории естествознания АН СССР организован Постановлением СНК СССР от 22 ноября 1944 г. и Постановлением Президиума АН СССР от 9 февраля 1945 г.
- 4 24 августа 1946 г. на распорядительном заседании Президиума АН СССР по докладу чл.-корр. АН СССР Х. С. Коштойнца было принято постановление разрешить Институту истории естествознания и техники АН СССР совместно с комиссиями АН СССР по истории физико-математических наук, химических и биологических наук созвать совещание по истории

* Далее опущены л. 26—32, в значительной степени повторяющие предыдущий материал.

** На этом текст воспоминаний обрывается.

- естествознания. Одновременно был утвержден организационный комитет по созыву совещания в составе: чл.-корр. АН СССР Х. С. Коштыянца (председатель), академиков А. Е. Арбузова, Л. С. Берга, чл.-корр. АН СССР Н. С. Шатского, Т. П. Кравца, профессоров Б. Г. Кузнецова, С. Л. Соболя, Н. А. Фигуровского и кандидата наук И. А. Полякова (секретарь). Первое Всесоюзное совещание по истории естествознания проходило 24—26 декабря 1946 г. Н. А. Фигуровский выступал с докладом «Древнерусская химическая терминология» на секции химических наук. См.: Труды совещания по истории естествознания. 24—26 декабря 1946 г. М.—Л., 1948.
- 5 Коштыянец Хачатур Седракович (1900—1961) — член-корреспондент АН СССР (1939), член-корреспондент Международной академии истории науки (1947), физиолог, историк науки, автор книги «Очерки по истории физиологии в России» (Сталинская премия, 1947), директор Института истории естествознания (1945—1953).
 - 6 Комаров Владимир Леонтьевич (1869—1945) — академик, президент АН СССР (1936—1945), директор Института истории естествознания (1945).
 - 7 Кузнецов Борис Григорьевич (1903—1984) — доктор экономических наук, профессор, действительный член Международной академии истории науки (1961), философ, историк науки, директор Института истории науки и техники АН СССР (1938), заместитель директора Института истории естествознания (1945—1947). Подробнее о нем см.: ВИЕТ, 1993, № 4, с. 124—139.
 - 8 Соболев Самуил Львович (1893—1960) — доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии истории науки (1960), историк науки, археограф, собиратель научных приборов исторического значения, автор книги «История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке» (Сталинская премия, 1950).
 - 9 Новиков Павел Александрович (1898—?) — доктор биологических наук, профессор, зоолог, историк науки.
 - 10 Райков Борис Евгеньевич (1880—1966) — доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент АПН СССР, биолог, историк науки. Подробнее о нем см.: Лукина Т. А. Борис Евгеньевич Райков. Л., 1970.
 - 11 Юшкевич Адольф-Андрей Павлович (1906—1993) — доктор физико-математических наук, профессор, действительный член Международной академии истории науки (1960), историк науки, создал отечественную школу историков математики.
 - 12 Зубов Василий Павлович (1899—1963) — доктор искусствоведения, действительный член Международной академии истории науки (1960), историк искусства и культуры, историк науки.
 - 13 Старосельская-Никитина Ольга Андреевна (1885—1969) — кандидат исторических наук, библиограф, историк науки.
 - 14 Давиташвили Лео Шишович (1895—1977) — доктор геолого-минералогических наук, профессор, академик Грузинской АН, палеонтолог, историк науки, автор книги «История эволюционной палеонтологии от Дарвина до наших дней» (Сталинская премия, 1949).
 - 15 Веселовский Иван Николаевич (1892—1977) — доктор физико-математических наук, профессор, специалист по теоретической механике, историк науки.
 - 16 Автор воспоминаний здесь не точен. Одни из названных Н. А. Фигуровским якобы до тех пор «неведомых никому авторам» — ленинградских историков науки — к описываемому времени имели значительный профессиональный историко-научный стаж и много публикаций (Елисеев Алексей Александрович, Раскин Наум Михайлович), другие (Безбородов Михаил Алексеевич и Ченакал Валентин Лукич), начавшие работать в этой области несколько позже, также внесли существенный вклад в изучение истории научно-технических знаний.
 - 17 Действительно, в послевоенный период изучение истории химии по сравнению с предшествующим временем значительно увеличилось и по количеству исследователей, и по широте тематического диапазона. Однако этот феномен требует иных трактовок (возросшее значение химии и химической технологии в народном хозяйстве, факт занятия специалистами-химиками командных постов в управлении наукой, системе образования и т. п.) и никак не связан с состоянием историко-химических работ в 20—30-е годы. Совсем наоборот, в Институте истории науки и техники (ИИИТ) АН СССР и ранее в Комиссии по истории знаний история химии относилась к числу наименее развитых. Так, к примеру, в отчете о работе ИИИТ в первый год своего существования отмечалось, что секция истории химии, учрежденная в мае 1932 г., провела всего два заседания «и не развивавшая в достаточной мере свою работу в дальнейшем ввиду неудачи попыток Института создать более или менее значительное ядро химиков, работающих над историческими вопросами» (См.: Архив истории науки и техники. М.—Л., 1933. Вып. 1. С. 228). Упоминания об этой секции и вообще каких-либо работах по истории химии в ИИИТ в дальнейшем не прослеживаются.
 - 18 В бумагах автора публикуемых мемуаров хранится «Список кандидатов и докторов наук, подготовивших и защитивших диссертации под руководством проф. Н. А. Фигуровского: 1. Ранько Ю. О. (1940), 2. Горнштейн Е. (1947), 3. Ушакова Н. Н. (1949), 4. Яновская М. Ф. (1950), 5. Башилова В. М. (1950), Быков Г. М. (1950), 7. Серегин А. В. (1950), 8. Соловьев Ю. И. (1951), 9. Казанская В. А. (1953), 10. Кузнецов В. И. (1953), 11. Кома-

- рова Т. А. (1953), 12. Турченко Я. И. (1955), 13. Мусабеков Ю. С. (1956), 14. Куринной В. И. (1955), 15. Аджиева А. И. (1956), 16. Королева М. Г. (1955), 17. Зайцева Л. Л. (1957), 18. Цюрупа М. Г. (1957), 19. Будрейко Е. А. (1957), 20. Андреева Л. Г. (1958), 21. Гаврилова Т. Б. (1959), 22. Кипнис А. Я. (1960), 23. Ахутин А. В. (1966), 24. Коровкина Е. К. (1967), 25. Питовранова И. Е. (1971), 26. Липская Г. М. (1968), 27. Чуприна Г. И. (1971)». Этот документ относится к началу 70-х годов. В дальнейшем число прямых учеников Н. А. Фигуровского превысило сорок человек. Но историко-научная школа Н. А. Фигуровского не очерчивается какими-либо формальными, пусть даже и внушительными количественными параметрами. Степень его воздействия на формирование в СССР профессионального сообщества историков науки, а не только историков химии, очень высока и может быть адекватно исчислена лишь после специальных науковедческих исследований.
- 19 *Фигуровский Н. А. Седиментометрический анализ* / Под ред. и с предисловием акад. П. А. Ребиндера. М.—Л., 1948, 332 с.
 - 20 Несмеянов Александр Николаевич (1899—1980) — академик, президент АН СССР (1951—1961), ректор МГУ (1948—1951).
 - 21 Греков Борис Дмитриевич (1882—1953) — академик, историк.
 - 22 Дружинин Николай Михайлович (1886—1986) — академик, историк.
 - 23 Удальцов Александр Дмитриевич (1883—1958) — член-корреспондент АН СССР, историк. Автор воспоминаний неверно указал инициалы А. Д. Удальцова.
 - 24 Грабарь Игорь Эммануилович (1871—1960) — академик, художник, искусствовед, историк, музейевед.
 - 25 Тихомиров Михаил Николаевич (1893—1965) — академик, историк.
 - 26 См.: *Илизаров С. С. Формирование в России сообщества историков науки и техники*. М., 1993. С. 45.
 - 27 Насколько обоснованы сомнения Н. А. Фигуровского, судить однозначно трудно. Диплом кандидата наук был выдан И. А. Полякову ВАК СССР в ноябре 1949 г. на основании решения Совета Казахстанского филиала АН СССР от 11 января 1944 г.
 - 28 Лысенко Трофим Денисович (1898—1976) — академик, президент ВАСХНИЛ, биолог, агроном.
 - 29 Н. А. Фигуровский и В. П. Зубов были в Италии с 30 августа по 15 сентября 1956 г., командированные на VIII Международный конгресс по истории науки. Их маршрут пролегал следующим образом: самолетом — Москва—Вильнюс—Прага—Париж—Ницца—Милан—Рим; поездом: Рим—Флоренция—Милан (с посещением Пизы и Винчи); автобусом: Милан—Верона—Падуя—Сермионе—Венеция; поездом: Венеция—Рим; самолетом: Париж—Прага—Москва.
 - 30 Каракаллы — воздвигнутые императором Каракаллой (Marcus Aurelius Antoninus Caracalla) (186—217, император с 211 г.) и названные его именем колоссальные термы, строительство которых началось в 206 г.
 - 31 Лукьянов Павел Митрофанович (1889—1975) — доктор технических наук, профессор, химик-технолог, историк науки, автор 6-томной монографии «История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века», издававшейся с 1948 по 1965 г. (Сталинская премия, 1950).
 - 32 Шухардин Семен Викторович (1917—1980) — доктор технических наук, профессор, действительный член Международной академии истории науки (1967), историк науки и техники.
 - 33 Сокольский Виктор Николаевич (р. 1924) — кандидат технических наук, руководитель проблемной группы истории авиации и космонавтики ИИЕТ, историк техники.
 - 34 Григорьян Ашот Тигранович (р. 1910) — доктор физико-математических наук, профессор, действительный член Международной академии истории науки (1963), главный научный сотрудник ИИЕТ, историк науки. А. Т. Григорьян, по свидетельству Н. А. Фигуровского, был у него заместителем в то время, когда он руководил Управлением университетов Министерства высшего образования СССР. Этот период деятельности с характеристикой своих коллег по Министерству (включая А. Т. Григорьяна) также описаны в мемуарах Н. А. Фигуровского.
 - 35 Далее Н. А. Фигуровский называет имена около тридцати видных советских химиков, в том числе нескольких академиков. Однако объемы журнальной публикации и ее историографический, а не историко-химический характер позволяют здесь воздержаться от комментирования. Имена, биографические данные и прочая информация об этих ученых содержится в: *Гаухман Р. П. Материалы к библиографии по истории русской науки*. [Вып.] 2. Химия. М., 1951; *Фигуровский Н. А., Быков Г. В., Комарова Т. А. Химия в Московском университете за 200 лет (1755—1955)*. (Краткий исторический очерк). [М.], 1955; Библиография советской библиографии по химии и химической технологии. 1917—1965. Сост.: *Молодцова Э. А.* и др. Л., 1968; *Мусабеков Ю. С., Черняк А. Я. Выдающиеся химики мира: Библиогр. указатель*. М., 1971; *Волков В. А., Вонский Е. В., Кузнецова Г. И. Выдающиеся химики мира. Биографический справочник*. М., 1991 и др.
 - 36 Комиссия по истории химии Отделения химических наук АН СССР создана в 1944 г. для разработки проблем истории химии, в первую очередь русской и советской, составления

- исторических библиографий, собрания соответствующих документаций и привлечения внимания советских химиков к вопросам истории химии. По регламенту Комиссия организовывала совещания с целью координации исследовательских работ по истории химии (См.: 220 лет Академии наук СССР. Справочная книга. М.—Л., 1945, 170 с.). Председателем Комиссии по истории химии был академик Арбузов Александр Ерминингельдович (1877—1968). Н. А. Фигуровский стал членом Комиссии по истории химии в начале 1947 г.
- 37 Вавилов Сергей Иванович (1891—1951) — академик, президент АН СССР (1945—1951).
- 38 Н. А. Фигуровский выступал на Общем собрании с докладом «Химия в древней Руси» и в прениях с сообщением о работе Института истории естествознания АН СССР (См.: Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки. 5—11 января 1949 г. М.; Л., 1949. С. 239—252, 846—847).
- 39 Автор здесь ошибается в хронологии. См. настоящие комментарии 8 и 31.
- 40 Комиссия по истории техники Отделения технических наук АН СССР организационно оформилась в 1944 г. на базе Группы по истории техники, существовавшей с 1942 г. Комиссия была призвана проводить научную разработку материалов по истории техники, готовить к печати сборники документов (текстов и чертежей из архивов), посвященных трудам и изобретениям русских техников, организовывать учет фондов по истории техники, выявлять роль русских ученых и техников в мировом техническом прогрессе (См.: 220 лет Академии наук СССР. Справочная книга. М.—Л., 1945. С. 241). В Положении 1944 г. определялось: «Основной задачей Комиссии является организация и проведение исследований по истории техники на базе учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Эти исследования выполняются с целью содействия: а) воспитанию советского патриотизма, б) борьбе с раболопием перед капиталистической техникой и в) развитию советской техники» (НА ИИЕТ РАН, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 1). Первым председателем Комиссии по истории техники был академик Юрьев Борис Николаевич (1889—1957), которого в 1950 г. (а не в 1952 г., как ошибочно указал Н. А. Фигуровский) сменил тогда еще член-корреспондент АН СССР, а впоследствии академик Самарин Александр Михайлович (1902—1970). Н. А. Фигуровский в своих мемуарах несколько преувеличивал степень своего незнания, поскольку уже в 1949 г. Постановлением Президиума АН СССР был введен в состав Комиссии по истории техники, и в этом своем качестве регулярно получал все основные нормативные документы и приглашения на заседания Комиссии. Кроме того, он был членом экспертной комиссии по истории техники при Главном управлении политехнических вузов Министерства Высшего образования СССР и т. п.
- 41 Первое Всесоюзное совещание по истории техники, созданное Комиссией по истории техники, состоялось в Москве 21—25 апреля 1952. В работе совещания участвовали свыше 400 человек из всех союзных республик СССР, представивших к обсуждению около 150 докладов и сообщений. (См.: Илизаров С. С. Материалы к историографии истории науки и техники. Хроника. 1917—1988 гг. М., 1989. С. 86—87).
- 42 Голубцова Валерия Алексеевна (1901—1986) — кандидат технических наук, заместитель председателя Комиссии по истории техники, а затем — директора Института истории естествознания и техники. Подробнее о В. А. Голубцовой и ее роли в организации исследований по истории науки и техники см. также: ВИЕТ, 1993, № 4, с. 101—105.
- 43 Действительно, проходившее в Октябрьском зале Дома Союзов торжественное совместное заседание Ученого совета ИИЕТ АН СССР и Комитета Советского национального объединения, посвященное 30-летию работы института состоялось 12 марта 1984 г. Однако это вовсе не означает, что организаторы заседания не знали точную дату основания ИИЕТ — 5 сентября 1953 г. Разрыв во времени между юбилейной датой и датой проведения юбилейных мероприятий не редок. Так, лишь в декабре 1993 г. отмечалось 40-летие ИИЕТ. Кстати, сам Н. А. Фигуровский как один из старейших сотрудников ИИЕТ выступал на заседании 12 марта 1984 г. (См.: Дровенников И. С. XXX пленум Комитета Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники // ВИЕТ. 1985. № 1. С. 162—165. См. также: ВИЕТ. 1984. № 3. С. 89—97).
- 44 Топчиев Александр Васильевич (1907—1962) — академик, химик-органик, зам. министра высшего образования СССР (1947—1949), гл. ученый секретарь Президиума АН СССР (1949—1958).
- 45 «Труды Института истории естествознания и техники» выпускались в 1954—1962 гг.; издано 45 томов.
- 46 С 1956 по 1979 гг. ИИЕТ издавал периодические сборники «Вопросы истории естествознания и техники» (главный редактор первого сборника И. В. Кузнецов); издано 68 выпусков. С 1980 г. под аналогичным названием ИИЕТ издает ежеквартальный журнал.
- 47 Кузнецов Иван Васильевич (1911—1970), доктор философских наук, профессор, физик, философ, директор Института истории естествознания и техники (1955—1956).